

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ
(институт повышения квалификации)
ДАГЕСТАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

РОССИЙСКИЙ КАВКАЗ

ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, РЕШЕНИЯ

Под общей редакцией
Р. Г. Абдулатипова, А.-Н. З. Дибирова

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2015

УДК 32.001
ББК 66.5
Р76

Редакционная коллегия

Руководитель *докт. филос. наук, проф. Р. Г. Абдулатипов*
Заместитель руководителя *докт. полит. наук, проф. А.-Н. З. Дибиров*

Члены коллегии *академик РАН М. К. Горшков,*
академик РАН В. А. Тишков,
член-корр. РАН Г. К. Сафаралиев,
докт. полит. наук, проф. О. В. Гаман-Голутвина,
докт. экон. наук, проф. И. Г. Гафуров,
докт. филос. наук, проф. Ю. А. Красин,
докт. полит. наук, проф. А. Ю. Сунгуров,
докт. полит. наук, проф. О. Ф. Шабров

Рецензенты

докт. полит. наук, проф. М. А. Аствацатурова,
докт. полит. наук, проф. Л. Н. Тимофеева

Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения: Научное издание / Под общ. ред.
Р76 Р. Г. Абдулатипова, А.-Н. З. Дибирова. — Издательство «Аспект Пресс», 2015. — 600 с.

ISBN 978—5—7567—0783—0

Настоящая монография посвящена актуальным проблемам развития современного Российского Кавказа. Это результат труда большого коллектива российских ученых. Основное внимание авторы монографии уделяют политологии Российского Кавказа. Вместе с тем участие в проекте историков, философов, социологов, этнологов и востоковедов позволило придать ключевой проблематике монографии более широкий контекст.

При подготовке монографии широко использованы материалы Международного политологического форума «Российский Кавказ», проходившего в сентябре 2014 года в Махачкале.

Монография рассчитана на ученых, преподавателей, аспирантов, студентов, общественно-политических деятелей, всех, кто интересуется проблемами развития Российского Кавказа и России в целом.

УДК 32.001
ББК 66.5

ISBN 978—5—7567—0783—0

© НАНОДПО «Дагестанский институт экономики и политики (институт повышения квалификации)», 2015
© ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии	7
----------------------	---

Глава 1

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

1.1. Российский Кавказ: связь времен (Абдулатипов Р. Г.)	9
1.2. Государственная национальная политика и формирование общероссийской идентичности (Сафаралиев Г. К.)	20
1.3. Формирование общероссийской идентичности: контекст Российского Кавказа (Горшков М. К.)	27
1.4. О некоторых актуальных проблемах реализации государственной национальной политики (Тишков В. А.)	37
1.5. Эволюция идентичности: от войны этносов к единству нации (Белоусов Е. В., Дибиров А.-Н. З.)	40
1.6. Война идентичностей: постсоветский синдром (Дибров А.-Н. З., Белоусов Е. В.)	57
1.7. Тенденции эпохи постмодерна: кавказская проекция (Шабров О. Ф.)	72
1.8. Модернизация социума: западный модерн или социокультурная спецификация (Красин Ю. А.)	78
1.9. Российский Кавказ в современном информационном поле: тренды, проблемы, решения (Чумиков А. Н.)	93
1.10. Традиционные и новые СМИ и управление общественным мнением (Пронский Л. М.)	104

Глава 2

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО НА РОССИЙСКОМ КАВКАЗЕ

2.1. Метафизические измерения трансформаций российских элит (Гаман-Голутвина О. В.)	112
2.2. Зарубежный опыт эмпирического исследования власти и возможности его использования для изучения локальной политики в современной России (Ледяев В. Г.)	132
2.3. Экспертное сообщество и власть: опыт Северного Кавказа (Сунгуров А. Ю.)	140
2.4. Этничность и распределение властных позиций в полиэтническом обществе: проблемы и решения (Панов П. В.)	148
2.5. Институты власти республик Северного Кавказа в контексте развития российского федерализма (Литвинова Т. Н.)	158
2.6. Оценка дагестанскими избирателями новой системы выборов главы Республики Дагестан (Мамараев Р. М.)	166
2.7. Анализ геоэлекторальной структуры Республики Дагестан (1995–2012) (Рагозина С. А.)	175
2.8. Региональная структура Северного Кавказа: проблемы — несовершенство — оптимизация в системе федеративного устройства современной России (Раньжина И. В.)	192

2.9. Политическая элита Республики Дагестан и проблемы формирования гражданского общества (Юсупова Г. И.)	201
---	-----

Глава 3

РОССИЙСКИЙ КАВКАЗ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

3.1. Украинский кризис: воздействие на процессы в Кавказском регионе (Маркедонов С. М.) . . .	209
3.2. Современное российское приграничье: политическая и социальная специфика (Халий И. А.)	214
3.3. Потенциал Республики Дагестан в противостоянии современным угрозам и вызовам в Каспийском регионе (Ланда К. Г.)	220
3.4. Россия в цивилизационном мироустройстве (штрихи и мазки к портрету) (Железняков А. С.)	227
3.5. Формирование государств и наций на постсоветском пространстве (Мелешкина Е. Ю.)	231

Глава 4

РОССИЙСКИЙ КАВКАЗ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТРАНЫ

4.1. Межнациональные отношения в контексте идеологии Нового Гуманизма (Водолазов Г. Г.)	240
4.2. Сохранение и развитие малых народов Кавказа: опыт России и стран Закавказья (Скаков А. Ю.)	245
4.3. Опыт и проблемы реализации стратегии национальной политики РФ в Республике Дагестан (Ильясов З. З.)	254
4.4. Поведенческие стереотипы межнационального взаимодействия в мироощущении студентов вузов Российского Кавказа (к итогам пилотного исследования) (Гарунова Н. Н., Скорик А. П., Цыбулькинова А. А.)	259
4.5. Выходцы из Дагестана в Астраханской и Волгоградской областях: проблемы интеграции (Арутюнова Е. М.)	268
4.6. Межэтническое взаимодействие как инструмент конструирования гражданской общности в молодежной среде (Желнакова Н. Ю.)	282

Глава 5

ПОЛИЭТНИЧНЫЙ РОССИЙСКИЙ КАВКАЗ: УРОКИ ИСТОРИИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

5.1. Трансформация патримониальных и имперских порядков в современных условиях (Ильин М. В.)	287
5.2. Использование прошлого в символической политике постсоветской России (Малинова О. Ю.)	303
5.3. Из имперского опыта управления Северным Кавказом (Агларов М. А., Магомедханов М. М.)	311
5.4. Кавказская политика России: краткий исторический экскурс (Магомедсултанов И. И.)	317

5.5. К истории формирования российской гражданственности на Кавказе (Магомедханов М. М.)	328
5.6. О некоторых позитивных итогах политики России на Северном Кавказе в первой половине XIX века (Великая Н. Н.)	331
5.7. О роли железной дороги в процессе вовлечения Дагестана в экономическое пространство России на рубеже XIX–XX веков (Асваров Н. А., Суздальцева И. А.)	338
5.8. Мифы о происхождении евреев Кавказа в свете новейших данных по еврейской эпиграфике (Кашовская Н. В.)	342
5.9. Влияние демографического фактора на социально-экономическое развитие современного Дагестана (Ибрагимов М.-Р. А.)	347
5.10. Проблемы сохранения этнической идентичности у дагестанцев зарубежья (Айтберов Т. М.)	354
5.11. Праздничный календарь народов Дагестана в постсоветский период как значимый культурный феномен этнической идентичности в условиях глобализации (Сефербеков Р. И.)	361
5.12. Проблемы сохранения и возрождения национального костюма народов Дагестана в постсоветское время (Гаджалова Ф. А.)	368
5.13. К истокам единства народов Дагестана (Магомедов А. Р.)	372

Глава 6

РОССИЙСКИЙ КАВКАЗ: СТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

6.1. Межнациональное согласие: концептуальные подходы и социальная практика в российском обществе (Дробижева Л. М.)	377
6.2. Символы дагестанской идентичности (Дибиров А.-Н. З., Исрапилова К. М.)	384
6.3. Северный Кавказ в поисках социокультурной идентичности (Яхьяев М. Я.)	393
6.4. Базовые ценности русского духа и северокавказских этносов (Билалов М. И.)	399
6.5. Северный Кавказ в проблемном поле поиска идентичности и национальной идеи России (Муртазалиев С. И.)	406
6.6. Общероссийская идентичность: образы прошлого и перспективы будущего (Бадмаев В. Н.)	417
6.7. Идентичность жителей Северного Кавказа: вызовы и проблемы современности (Сиражудинова С. В.)	423

Глава 7

ФАКТОРЫ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ПРАКТИКА

7.1. Асинхрония политической культуры как фактор гражданской социализации в современной России (Коновалов В. Н.)	430
7.2. Экономические и социальные проблемы построения единого культурного пространства Российского Кавказа в постсоветский период (Гафуров И. А.)	436
7.3. Горные цивилизации: Дагестан vs Непал (Муртазалиев С. И.)	449
7.4. Проблемы сохранения национальных языков Дагестана в постсоветский период (Магомедов М. И.)	457

7.5. Изменения в этнолингвистической структуре населения республик Северо-Восточного Кавказа: последствия вооруженных конфликтов и локальных войн (Поляков Е. М.)	464
7.6. Политическая роль журналистики на Российском Кавказе (Джантеева Д. С.)	472
7.7. Особенности политической культуры современного дагестанского общества: политологический обзор постсоветского периода новейшей истории (Курбанов Х. Т.)	478
7.8. Образ русского человека в дагестанской литературе XX века (Ахмедова Р. А.)	483
7.9. Языковая политика и этнокультурная ситуация в Республике Дагестан (Рашидова А. И., Рашидова З. М.)	487

Глава 8

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭТНИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ НА РОССИЙСКОМ КАВКАЗЕ

8.1. Общероссийская и региональная идентификация в дискурсе противодействия идеологии экстремизма и терроризма (Маркин В. В.)	496
8.2. Методологические ошибки и просчеты в противодействии экстремизму и их практические последствия (Яхьяев М. Я.)	514
8.3. Угрозы использования информационных и коммуникационных технологий в деструктивных целях (Кульпин А. А., Шаряпов Р. А.)	520
8.4. Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в крупном муниципальном образовании: социологический аспект (Роговая А. В.)	537
8.5. Религиозный фактор в решении проблем идеологии противодействия экстремизму (Абдулагатов З. М.)	547
8.6. К вопросу об изучении идеи халифата в современной мусульманской политической мысли (Рязанов Д. С.)	558
8.7. Феномен женского терроризма: социально-политический анализ (Адамова М. А.)	569
8.8. Этническая толерантность населения основных городов Республики Дагестан как фактор формирования антиэкстремистской идеологии (Малучиев Г. С.)	576
8.9. Некоторые аспекты информационного противодействия экстремизму (Магомедова М. А.)	579
Заключение. Российский Кавказ в фокусе отечественных политологических исследований (Дибиров А.-Н. З.)	589
Об авторах	594

ПОЛИЭТНИЧНЫЙ РОССИЙСКИЙ КАВКАЗ: УРОКИ ИСТОРИИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

5.1. Трансформация патримониальных и имперских порядков в современных условиях*

Название статьи может показаться странным. В научной и околонаучной литературе, а тем более в публицистике доминирует мнение, будто имперские и патримониальные порядки чужды модерну и в современных условиях порождают всякого рода сбои и даже мерзости. Именно это и побуждает предложить в данной статье иной взгляд. Нет принципиальных запретов на усвоение и преобразование любых форм политической организации при любых эволюционных трансформациях. Сбои и неудачи тех или иных попыток использования тех или иных прежних форм в ходе реформ или постреволюционных и послевоенных реконструкций объясняются не дефектностью форм самих по себе, а иными, в основном субъективными причинами или во многом независимыми от людей ограничениями.

Сбои и неудачи попыток использования тех или иных прежних форм в ходе реформ, постреволюционных и послевоенных реконструкций объясняются дефектностью не форм самих по себе, а наших представлений о них.

В чем причины дефектности наших представлений? Это прежде всего предрассудки незнания и некомпетентности. Нередко можно услышать — и нынешние поколения слышали это не раз, — будто тот или иной институт или даже система институтов «не реформируемы». Те, кто делает подобные заявления, должны были бы честно признать, что это они не знают, как реформировать те или иные институты или системы институтов. Это они не ведают и не видят наличных или скрытых возможностей. Это они свое неведение и слепоту с апломбом выдают за отсутствие морфологических воз-

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-03-00310а «Эволюционная морфология имперской организации политического пространства», проект № 13-03-00399а «Между патримониальным и современным политическим порядком: качество управления в странах постсоветского пространства», а также при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 13-06-00789 «Разработка интеграционных методов и методик социально-гуманитарных исследований».

возможностей развития. Возможности есть всегда. Принципиально они безграничны, но в жизни весьма жестко отсекаются ограничениями разного рода — природными, контекстуальными, темпоральными, ресурсными и, не в последнюю очередь, культурно-интеллектуальными. Последние нередко становятся прямыми запретами или камуфлируются утверждениями о пресловутой «нереформируемости».

Запреты, связанные с откровенной трусостью или своекорыстной предвзятостью, как правило, камуфлируются. Однако их рано или поздно удастся раскрыть и преодолеть интеллектуальные ограничения. Куда опаснее искренние заблуждения и порожденные ими запреты. Существует целый набор просчетов (*fallacies*), которые мешают адекватному восприятию действительности. Это, в первую очередь, описанные еще Френсисом Бэконом призраки разума (*idola mentis*) или его извращенные, дисфункциональные подобию. До известной степени можно считать свойственным всему человеческому роду призраком (*idola tribus*) так называемый натуралистический просчет. Мы вольно или невольно склонны подменять собственные продукты мыслительного обобщения, например представления о весьма сложных формах политического устройства, некой прямой наглядностью. Такая подмена особенно легка, когда абстракции недостаточно проработаны, а наглядности ярки и очевидны, застилают собой весь обзор.

В отечественной, да и не только отечественной традиции подобная подмена устойчиво сопровождает два очень ценных понятийных обобщения, способные помочь нам разрешить задачи понимания и реформирования многих окружающих нас политических порядков. Это понятия, выражаемые терминами *империя* и *патримониализм*. Мы склонны, увы, уклоняться от их вдумчивого и последовательного использования, проработки и усовершенствования не столько из-за лени и недальновидности, сколько из-за давления наглядных образов. Империя привычно ассоциируется с «тюрьмой народов», а что с такой тюрьмой можно сделать, как не разрушить, срыть до основания и написать: «Здесь танцуют!» Патримониализм столь же привычно вызывает ассоциации со старым, но еще крепким господином своего домохозяйства, который окриком, а то и палкой дисциплинирует домочадцев.

Нет нужды говорить о ложности соответствующих образов. Куда важнее проследить, какие интеллектуальные модели могут скрываться за терминами «империя» и «патримониализм», какие политические порядки и как могут быть с их помощью осмыслены. Тем самым мы сможем понять, что и как в этих политических порядках может быть изменено в наших интересах ради более свободной и достойной жизни.

Однако, прежде чем мы попытаемся хотя бы поставить вопросы о возможных, желательных и наиболее оптимальных путях трансформации патримониальных и имперских порядков, нам пристало сначала прояснить возможности морфологического анализа политических порядков, а затем критически рассмотреть основные формы, формулы и практики этих порядков.

Морфология

Достаточно заглянуть в энциклопедические словари или воспользоваться поисковыми системами, чтобы убедиться, что дисциплинарное пространство современной науки пестрит разного рода морфологиями. Наряду с дюжиной других дисциплин выделяются геоморфология, биологическая, социальная, лингвистическая и даже математическая морфологии. Можно найти морфологию растений, волшебных сказок, глагола, городских агломераций, звездных туманностей и много другого. Чего только не найдешь! Десятки и десятки названий.

Столь масштабное распространение в научном мире морфологии и морфологического анализа явление относительно недавнее. Сама идея морфологии как научной дисциплины была выдвинута И. В. Гете в его «Опыте объяснения метаморфоза растений» (1790 г.). В этом сочинении он не только использовал понятия «метаморфоза» и «морфологии», но и создал формально строгие модели формирования растений. Гете показал, что различные органы растений, их стебли, цветы и многое другое есть лишь превращенные формы (метаморфозы) листа. В конечном счете Гете даже предложил абстрактную модель более высокого ранга — растения как биологического явления. За два с небольшим века творческий импульс Гете оказал беспрецедентное воздействие на науку. Фактически возник — пока в дисциплинарно разрозненном виде — своего рода универсальный научный органон сродни математике, логике и, добавлю, семиотике и компаративистике. В настоящее время возглавляемый мной Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН выясняет возможности и соотношение между подобными органонами в рамках проекта РФФИ «Разработка интеграционных методов и методик социально-гуманитарных исследований».

Означает ли это, что до Гете никакого морфологического анализа не было? Конечно нет. Достаточно вспомнить о давней традиции анализа форм правления. Историки политической мысли возводят ее к Аристотелю, хотя учение о правильных и неправильных формах было уже у Платона и, вероятно, имеет еще более древние истоки. Можно вполне обоснованно утверждать, что морфологии политики больше двух тысячелетий.

Еще древнее морфология языка. Она была вполне системно описана великим Панини, который в своей «Аштадхьяи» («Восьмикнижии») не только создал нормативную грамматику санскрита, но и ввел морфологические категории корня, суффикса, частей речи и даже морфемы и фонемы.

Различные науки, которые именуют себя морфологиями, а также те, которые обходились или обходятся без этого названия, но фактически являются частью многосоставного морфологического органона, строят свой анализ на ряде сходных принципов, алгоритмов и даже процедур. Они систематически выделяют явления, которые так или иначе соотносены друг с другом. В обыденной речи мы сказали бы, что они напоминают друг друга, сходны,

подобны, идентичны или различны в разной степени. Морфологи подобные сходства и различия трактуют достаточно строго как аналогии, гомологии, гомеологии, гомодинамии, гомонии, гетерологии и т.п. Или воспользовались сходными по смыслу, но иначе звучащими терминами: можно говорить о конгруэнтности, изоморфизме, гетероморфности и прочих свойствах жизненных явлений [1].

С помощью своего научного аппарата морфологи, куда строже и точнее, чем в обыденном языке, не только грубо зафиксировали бы приблизительные сходства и различия, но также надежно выявили бы весьма существенные признаки, параметры, причины и другие особенности этих сходств и различий. При этом они пошли бы гораздо дальше. Они путем ряда шагов или операций превратили бы выявленную структуру отношений, их конфигурацию во внутреннюю сущность изучаемых явлений. Им удалось бы вычленивать и описать их морфологическую своеобычность или форму. Это важно для морфологов; форма далеко не сводится к любой конфигурации, как в обыденном языке. Эта конфигурация насыщена свойствами и прочими особенностями настолько, что содержание неотчуждаемо от такой формы морфологов. Это огонь, мерцающий в сосуде. На свой лад каждый морфолог зажигает пламя смысла и знания в сосудах первоначально бедных и простых конфигураций.

Найдутся ли в науке аналоги образа, найденного Николаем Зблоским? Да, и немало. Это богатые и насыщенные понятия форм, которые морфологи используют в своих предметных областях. Они качественно происходят от слова *форма* в обыденном языке или журналистском и политическом вербиаже (*verbiage*). Оно как раз часто понимается именно как «пустой сосуд». Пустая форма даже интеллектуалами и философами воспринимается как подлинная форма без всякого содержания, очищенная, предстающая как таковая. Все, что есть у такой формы, — это бессодержательная конфигурация. В отличие от нее понятия морфологов наполнены и смыслом, и его «светом».

Очень ярким примером морфологической образности служит трактовка Максом Вебером институциональной формы в самом заключении «Протестантской этики и духа капитализма». Здесь метаморфоза институциональных рамок или «футляра» (*Gehäuse*) образно представлена как смена плаща протестантского аскетизма прочным, как сталь, панцирем капиталистической выгоды [2, 202; 3, 127]. При этом одно и то же слово *футляр* может пониматься двояко: и как футляр для любых институциональных практик, и как название специфических рамок благодаря добавлению прилагательного *stahlhartes* — «стальной прочности».

Образность выражения *ein stahlhartes Gehäuse* оказалась столь сильная, что оно было переведено Толкоттом Парсонсом на английский не просто как «стальной панцирь», а как «стальная клетка». Фраза Вебера «Aber aus dem Mantel ließ das Verhängnis ein stahlhartes Gehäuse werden» [2, 202] по-английски стала звучать как «But fate decreed that the cloak should become an iron cage» [4, 181]. Возможно, Парсонса смутил слишком далекий от капитализма контраст пла-

ща аскета с рыцарским панцирем. Как бы то ни было, в результате в сознании англоязычных обществоведов укоренилось неколебимое представление о нормальности железной клетки рациональных институтов и о ненормальности, девиантности «нерациональных» институтов.

Представим, что бы случилось, если бы русский переводчик тоже смутился ассоциациями с рыцарским панцирем и использовал чеховский образ человека в футляре. Тогда для наших обществоведов выстроился бы иной ряд ассоциаций, который увел бы их и от веберовских идей, и от многочисленных рассуждений о железной клетке в англоязычных социальных науках. Впрочем, куда важнее образных ассоциаций понимание того, что сам Вебер нацеливал свою метафору смены плаща футляром на то, чтобы показать специфический момент развития, тесно увязанный с конкретным временем и местом превращения форм институциональных практик.

Другим весьма наглядным примером является морфогенетика Маргарет Арчер [5]. В русле усилий критического реализма по преодолению разрыва между структурой (*structure*) и действенностью (*agency*) она рассматривает формы не как нечто наличное, а как становящееся. Отдельные моменты, фазы и проявления процесса становления и изменения форм как раз и образуют их целостность. Энтелехию, сказал бы Аристотель. Морфогенезис, говорит Маргарет Арчер.

Наконец, еще одним очень хорошим примером насыщенных форм являются лейпхартовские паттерны демократии [6]. Фактически наиболее точным было бы говорить о них как о морфологических паттернах демократии.

Научные инструменты морфологического анализа являются интеллектуальными образованиями одного порядка, и их называют одним словом *форма* или подобными словами (морф, гештальт, паттерн, образ и т.п.). Однако именно два слова — греческое *μορφή* и латинское *forma* — стали ключевыми терминами и своего рода визитными карточками морфологии.

Форма, дхарма, держава

Ключевые термины морфологии — греческое *μορφή* и латинское *forma* — созвучны. Возникает впечатление, будто произошла просто перестановка слогов и звуков. Однако сейчас можно считать установленным, что их происхождение различно. Этимологи возводят латинское слово к индоевропейскому корню **dher-* со значением «держать», а греческое — к **mer-* со значением «сияние, сиять». Присоединение к корню суффикса **bha* дало существительное *μορφή* (< **mor-bhā*) со значением «облик».

Латинская форма существенно отличается от морфы, облика. Их контраст и сходство прекрасно показал Вергилий. В шестой книге своей «Энеиды» он устами Анхиза передает Энею отеческий завет, в чем должны состоять величие и миссия Рима. При этом признает и аналогичные таланты неназванных других — греков, конечно. Им дано создавать прекрасные пластические создания из бронзы и мрамора, находить яркие образы в ораторских прениях,

улавливать контуры движений небесной сферы. Это замечательное владение искусством — находить облик, морфу. А вот римлянам дано иное — державно народами править, удерживать их в едином *Pax Romana*. Они призваны править имперски народами — *tu regere imperio populos*. И тут же следом — *pacique imponere morem*. Нравы мира вчинять, *im-ponere* (дословно «в-кладывать»), почти *im-perare* — «властвовать» от *im-parare* — «приготавливать»*. И это накладывание и закрепление нравов мира как раз и есть создание («приготовление») и подержание формы по-римски.

Этимология латинского слова *forma* была разъяснена В. Л. Цымбурским [7]. Он убедительно показывает связь между словами *форма* и *дхарма* (от индоевропейского этимона **dher-m*), ссылаясь при этом на В. Н. Топорова в первенстве ее обоснования [8]. Впрочем, В. Л. Цымбурский неоднократно излагал эту идею в своих выступлениях и беседах с коллегами. Мы не раз обсуждали с ним возможность более широкой трактовки установленной им связи двух цивилизационных принципов. Это позволило мне писать в свое время о трех таких принципах — римской форме, индийской дхарме и славянской державе [9, 224].

Таким образом, в индоевропейской традиции прослеживаются по меньшей мере четыре версии общего морфологического принципа организации. Этот морфологический принцип заключается в опоре на концентрацию и приумножение особенно значимого для соответствующей традиции блага. Для эллинизма — это «облик, образ, гештальт, пластичность» (эллинизм), для романской и, шире, западноевропейской традиции — «упорядоченность, закрепление, фиксация образцов и правил», для индийской, а отчасти и для буддистской традиции — «поддерживание извечного порядка в череде его превращений», для славянства — «удерживание исходного фундаментального единства».

Данные типы благ становятся опорными и для патримониальных и имперских порядков соответствующих традиций. Разумеется, в иных традициях характеристики благ будут меняться, возможно, весьма существенно. Однако в каждом случае созидание политического порядка будет так или иначе опираться на идею блага. Чтобы практически транслировать идею блага с помощью практик и формул в политические формы и порядки различного уровня и сложности, приходится осуществлять переходы от масштаба к масштабу политической организации.

Политическая форма, порядки и формулы

Можно говорить об общей, универсальной форме (единственное число) аналитически выделяемой и мыслимой идеальной цивилизации/империи, а также о конкретных формах (множественное число) эмпирических явленных цивилизаций/империй. Возможно и иное словоупотребление. Равным обра-

* *Im-paro, im-parare* от приставки *in* «в-, на-, воз-, при-» с глаголами и глагола *paro* «готовить, копить, предпринимать», т.е. дословно «при-готавливать, в-чинять, воз-действовать».

зом допустимо говорить об общем универсальном порядке идеальной, только в наших умах существующей цивилизации/империи и о множестве эмпирически явленных порядков в тех или иных исторических и геополитических обстоятельствах. Однако мне представляется гораздо более удобным говорить об универсальной морфологической форме империи/цивилизации и об уникальных порядках исторических империй и цивилизаций.

Целесообразнее вербализовать, придать универсальной форме/порядку терминологический облик с помощью слова *форма*, а эмпирически явленным формам/порядкам — слова *порядки*.

Предпочесть вариант «универсальная морфологическая форма и уникальные политические порядки» помогает пример полибиевского совмещения разных порядков в одной форме. Действительно, Полибий находил разгадку величию Рима, чудесную форму (и формулу) его владычества-империума в соединении не только трех разных порядков (монархического, аристократического и демократического), но также во взаимном подкреплении их конкретных институциональных проявлений.

Еще одна причина, по которой уместно предпочесть термин *форма* для обозначение морфологического принципа имперской организации, заключается в том, что тогда отвечающую этому принципу структуру или, точнее, аналитическую модель естественно будет именовать *формулой*. При этом более детальные и своеобразные аналитические модели отдельных эмпирических порядков также целесообразно именовать *формулой* в силу того, что любая модель так или иначе является мыслительным образованием, которое, по определению, заметно абстрактнее даже идеографически представленных данных, а тем более фактуры, подлежащей обработке с помощью соответствующей модели.

В свое время Роберт Даль настаивал на необходимости строгого различения «идеальных апельсинов» и «настоящих яблок», идеальной и действительной, «реально существующей» демократии [10, 125]. Замечу, что точнее было бы говорить об «идеальном фрукте» и настоящих апельсинах, яблоках и т.п. Именно так различал морфологический прафеномен и эмпирические феномены основатель морфологии И. В. Гете.

Формы разного масштаба: порядки, режимы, практики

Можно выделить множество переходов от масштаба к масштабу. Усложненный анализ позволил бы выделить более дюжины, а то и двух дюжин таких переходов. Однако для целей данной статьи целесообразно свести к минимуму число переходов, ограничить число масштабов тремя.

Первым и самым «широким» масштабом будет порядок. Это предельно обобщенная категория политической организованности. Она потенциально безгранична во времени и пространстве, хотя на деле и вписанная в эволюционную длительность и в устойчивые геополитические пространства. За пределами порядка только хаос. Впрочем, хаос клокочет и внутри порядка в той

мере, в какой этот порядок остается самодовлеющим. Хаос грозит ему, так сказать, извне и изнутри.

Следующим, «средним» масштабом, если пропустить несколько напрашивающихся шагов, будет режим как способ и стиль организации власти и, шире, политических транзакций. Режим охватывает вполне обозримое историческое время и легко увязывается с определенными политическими структурами или даже отдельными «историческими» деятелями.

Наконец, самым «узким» масштабом будут локализуемые здесь и сейчас практики повседневности или, точнее, сейчасности. Почему? Повседневность предполагает неизменность и повторяемость времени. Это вечное здесь и сейчас. В нашем случае такими формами-порядками являются *патримониумы* и *империи*. Способы использования патримониума было бы логично именовать *патримониализмом*, а империи — *империализмом*. Впрочем, сходно именуются и соответствующие идеологические схемы. Это крайне нагруженные ассоциациями термины. Но тем более следует заострить задачу их очищения и придания им академической строгости.

Обратимся, однако, к исторической фактуре патримониальных и имперских порядков, а также к способам их понимания и осмысления.

Патримониальные порядки

В германской правовой и политической традиции было выработан термин *патримониальное государство (Patrimonialstaat)*, т.е. государство, передававшееся по наследству. С его помощью обозначались сохранившиеся в Германии XVIII и начала XIX в. наследственные монархии традиционного типа.

Радикальная трактовка патримониального государства как «естественного состояния» была выдвинута бернским юристом, политиком и ученым Карлом Людвигом фон Галлером. Он противопоставил его иным типам государств — церковному, военному и республике.

Великий немецкий обществовед Макс Вебер рационализировал идеи Карла Галлера о фундаментальном характере патримониального порядка. Он использовал термин «патримониализм» для выделения сходных способов общественной и политической организации на основании их характерных или *типичных* проявлений и признаков. С помощью выделенных им различных типов патримониального правления или патримониализма Макс Вебер осуществил анализ весьма широкого набора исторических и современных порядков господства в своей обобщающей работе «Хозяйство и общество».

Частое обращение в учебной литературе к идеальным типам Вебера способствовало тому, что его инструменты типологизации воспринимаются односторонне и даже превратно. Идеальный тип часто трактуется как понятие высокого уровня обобщения. О других же типах попросту забывают. А между тем тип был для Вебера средством выделения в феноменах действительности наиболее характерного, т.е. типического. Типы были для него инструментами улавли-

вания типического. Они существенно различались по своим возможностям и способам обобщения, типизирования.

Типы во многом сходны с понятиями. У самого Вебера они иногда выступают как синонимы, но только в тех случаях, когда речь идет об обобщении. И те и другие в равной мере средства обобщения. Однако осуществляется оно по-разному. Понятия сводят смысл к общим правилам, «усредняют» его, а обобщаемые феномены помещают в один класс на равных правах. Типы же выделяют наиболее характерные черты смысла, а остальные затушевывают. Да и феномены жизни они ранжируют: наиболее типичные и яркие помещают в центр, а менее типичные оттесняют на периферию типового набора. Можно сказать, что понятия в веберовском понимании могут быть представлены как четкие, а типы — как нечеткие множества.

Наибольшим охватом и обобщением обладает известный всем *идеальный *mun* (Idealtyp)*. Другое его название *чистый *mun* (reiner Typ)*. Здесь идеализация или очищение доведены до некоего допустимого максимума.

Прямая противоположность ему — *исторический *mun* (historischer Typ)*. Он максимально конкретен и сохраняет по возможности достаточно большое число характерных черт, связанных с конкретными обстоятельствами своего появления и функционирования. Отсюда и название. Слово *исторический* в данном случае означает связь не столько с большой историей, сколько с типическими ситуациями и обстоятельствами времени и места.

Особое место в инструментарии Вебера занимает так называемый предельный, или (по)граничный, тип (*Grenztyp*). Его особенность в том, что типичными в данном случае считаются предельные значения тех или иных характеристик, например, максимально возможные уровни концентрации власти, ресурсов или проявления неких свойств. За выделяемыми таким образом пределом или границей возникает иное свойство.

Есть в инструментарии Вебера и так называемый *эмпирико-статистический усредненный *mun* (empirisch-statistische Durchschnittstyp)*. Он был бы близок традиционному понятию, но в данном случае средние проявления характеристик определяются не концептуально, по смыслу, как в случае с понятием, а статистически, по обобщаемым эмпирическим данным, которые рассматриваются как типичные.

Вебер обнаруживает примеры, а с ними и типы патримониального господства уже в самых простых и древних социальных порядках. Они прямо вырастают из патриархальных или геронтократических типов господства, наследуют некоторые их типичные признаки. Вебер видит проявления патримониального господства и в современных ему весьма сложных и развитых полициях. Однако в качестве наиболее подходящих примеров для идеальных типов патримониализма М. Вебер избрал империю Птолемеев, китайскую империю Цинь, Российскую империю и тюдоровскую Англию. Им он посвящает львиную долю рассуждений и анализа особенностей патримониализма.

Весьма характерно, что патримониальное господство как некий универсальный тип политической организации хорошо сочетается в веберовской интерпретации с имперскими формами. Все его идеалтипические примеры оказываются империями, включая даже королевство Англия в тот момент своего развития, когда оно приступило к формированию будущей Британской империи.

Наряду с широким идеальным типом патримониализма (*Patrimonialismus*) Вебер выделяет также его разновидности и в некотором роде более специфические отпочкования в виде султанизма (*Sultanismus*) и так называемого сословного господства (*ständische Herrschaft*). Это не исторические типы в полном смысле слова, но, скорее, редуцированные версии идеального типа, существенно ограниченные обстоятельствами: в случае султанизма — особыми свойствами окружения патримониального господина, а в случае с сословным господством — историческими особенностями эпохи раннего Нового времени.

Среди конкретизируемых типов у Вебера есть еще три патримониалистских отпочкования — цезаризм (*Cäsarismus*), должностное господство (*Beamtenherrschaft*) и плебисцитарное господство (*plebiszitäre Herrschaft*). Каждое из них создается своими ограничениями и получает свой фокус типизации.

Таков весьма развитый и богатый аппарат, который Вебер использовал для анализа различных аспектов и проявлений патримониального господства как в различных специфических условиях, так и в качестве всеобщей формы политической организации. Этот аппарат требовал высокого искусства обобщения и типизирования, а также широчайшего кругозора и владения материалом. Это было по плечу Веберу, но оказалось сложным для его учеников и последователей, не говоря об остальных когортах обществоведов.

Прошло несколько десятилетий, прежде чем в 70-х годах прошлого века произошло возрождение интереса к веберовским типам патримониализма в науке. Примерно одновременно появляются работы Ричарда Пайпса, Шмюля Эйзенштадта, Гюнтера Рота и др. Это были действительно ученые крупного масштаба и ярчайших способностей. Прделанные ими исследования стали событиями и существенно углубили понимание политических явлений, которые с трудом укладывались в привычные рамки анализа в терминах демократии, авторитаризма и тоталитаризма.

Однако при всех достижениях первой волны изучения патримониализма и, главное, неопатримониализма как современного явления в них невольно вкрался существенный изъян. Веберовский аппарат типизации был приспособлен под привычную и совсем не веберовскую концептуализацию. Поначалу это скорее способствовало продвижению и популяризации патримониалистских штудий. Однако постепенно, особенно с включением в них исследователей меньшего масштаба, а то и просто слабо подготовленных новичков, выявились существенные проблемы. Произошло концептуаль-

ное смешение различных осколков веберовских типов в одном «растянутом» понятии патримониализма. За этим последовали его тривиализация и выхолащивание.

Результатом подобной теоретико-методологической редукции стало по большей части чисто контекстное использование терминов *патримониализм* и *неопатримониализм* в зауженных по большей части исследованиях эмпирического, а чаще идеографического толка. Произошла заметная редукция и деградация соответствующих инструментов концептуализации в исследовательской практике последних 3–4 десятилетий. Результатом стало превращение соответствующих терминов в «жужжалки» (*buzzwords*), что было прямо расценено как серьезная угроза изучению патримониализма и неопатримониализма.

Последнее десятилетие принесло первые попытки детривиализации терминов *патримониализм* и *неопатримониализм*, а также соответствующих инструментов концептуализации в исследовательской практике последнего десятилетия (Адамс, Баккер, Бах, Газибо, Вебер, ежегодник Американской академии политических и социальных наук за 2011 г. и т.п.). Однако эти попытки по большей части готовят почву для нового подъема изучения патримониализма. Результаты и достижения остаются разрозненными, а до создания общей теоретико-методологической рамки все еще далеко. Вместе с тем уже сейчас можно наметить некие обновленные подходы к феномену патримониального господства.

В самом общем виде можно связать феномен патримониализма с использованием различных организационных средств и ресурсов для восполнения дефицита связи между властями и подвластными в крупных, растущих или изменяющихся политических порядках. Это типично политические порядки, которые в силу изменения условий уже не могут использовать привычные прямые связи между властями и подвластными и нуждаются в новых способах господства. Эти порядки в каких-то отношениях оказываются специфически особенно уязвимы и чреватые беспорядком.

Создаваемые или заимствованные структуры посредования (Вебер в первую очередь выделяет окружение властителя, его аппарат и т.п. как такие структуры) настолько еще зыбки, что требуют усиления за счет признания их особой значимости в качестве общего и для властей, и для подвластных наследия, патримониума.

Становящиеся патримональными политические порядки гипертрофированно зависимы не только от наследия и наследования в широком смысле, но и от наличия особого наследия-скрепы единого порядка, простирающегося от центрального авторитета до самых дальних периферий и связывающих их инстанций.

Подобное наследие — альфа и омега не только политической организации, но и всего существования подобных систем. Это патримониум. В точном смы-

сле латинское слово *patrimonium* — это отеческое достояние, нечто переданное отцами (властями) своим детям (подвластным). По-русски это называлось *отчиной*, а также и *дединой*.

Данные структуры, патримониумы наследуются сменяющимися друг друга поколениями. Наследуются коллективно. Некоторые традиции построены на наследии как альфе и омеге всего существования. Они возникают там, где относительно быстро образуются весьма масштабные политические образования. В этих условиях исходный набор практик, обычаев и институтов довольно ограничен, прост и узкомасштабен.

Резкое расширение масштаба и пространства организации заставляет распространять принцип простой и непосредственной связи между авторитетным центром, а то и персонализированным властителем и каждым участником властных транзакций и политического порядка на громадные пространства и весьма распределенные и неоднородные сообщества.

В этом случае связка между ними приобретает особое значение. Сделать связку относительно надежной позволяет ее концептуализация как непосредственного общего и по существу неделимого наследия.

В европейской традиции наиболее близким эквивалентом патримониуму-наследию была и остается патрия. В современной практической политике выразителем приверженности патримониуму-наследию служит патриотизм. В китайской традиции патримониум-наследие трактуется как сыновья почтительность. И то и другое — версии общей миссии продолжения дела отцов, предков, следования их заветам.

Следование заветам предков — базовый принцип родового порядка. Патримониализм его радикально обновляет и трансформирует. Появляются те самые типы, о которых писал Вебер, — от дружинного владычества до цезаризмов и бонапартизмов разных образцов и даже вплоть до плебисцитарной демократии. Весь этот пестрый калейдоскоп типов господства характеризуется главным — апелляцией к некоему безусловному наследию, которое должно быть сохранено и преумножено любой ценой. Этот многократно переработанный принцип передается имперско-цивилизационными системами вплоть до наших дней.

Имперские порядки

Основной особенностью имперской формы политической организации является ее открытость. Она порождена избытком благ разного рода, прежде всего общественных благ в доминирующем цивилизованном ядре и их дефицитом в окружающей «варварской» среде.

Это открытость первого порядка. Ее характеризует концентричность и иерархичность организации, наличие имперского центра, асимметричного и непрямого правления, лимеса как переходной зоны от цивилизации к варварству.

В каждой версии общего (универсального) морфологического принципа имперской организации опорным моментом концептуализации является благо, а основным организующим ресурсом общественные и иные блага. Собственно имперская организация в основном и нацелена на концентрацию и распределение, включая импорт в «варварскую» среду общественных благ.

Подобный экспорт как раз и является основой для пресловутого имперского экспансионизма. Расширение империи продолжается столь мощно и долго, сколь велик избыток общественных благ и потребность в них «варварской» среды*.

Введение обычаев мира составляет суть имперской миссии. Предоставление милости (локальной или корпоративной автономности, свобод) покорным, принявшим имперскую обрядность и потестарное обуздывание непокорных гордецов служит главной цели создания замиренного политического пространства.

Pax Romana в этом смысле отнюдь не очередная метафора. Каждая империя создает два мира: мир-ойкумену и мир-ненасилие. Процесс имперской экспансии регулируют спрос и предложение на блага имперской цивилизации. Как скоро они оказываются сбалансированы, экспансия замедляется и останавливается. Лимес усиливает свои свойства регулятора. Возникновение дефицита общественных благ внутри имперского пространства и неудовлетворяемый спрос на них среди как имперцев, так и варваров ведет к просачиванию варваров внутрь империи и вступлению их в конкуренцию за дефицитные блага. От этого проникновения империю отчасти защищает лимес, который призван переделать варваров в имперцев. Однако слишком сильный напор варваров вызывает сбои в его функционировании и прогрессивно истощает общественные и иные блага империи.

Ситуация может усугубиться появлением центров производства и распределения благ в сопредельных пространствах вплоть до возникновения или усиления сопредельного имперского центра или центров. В том случае происходит коллапс, своего рода «схлопывание» имперской системы. Происходит знаменитое и не раз описанное историками падение исторических империй, ее «завоевание» варварами, а фактически засасывание варварских масс в истощенное пространство прежней цивилизации. Имперская иерархия уже не производит достаточно общественных благ для собственного поддержания, однако внутри есть еще немало частных, клубных и прочих благ, которые влекут варваров и новые империи.

Такова в общих чертах логика и динамика открытой организации империй. В подобных классических формах исторических империй от Ближнего

* Разумеется, в масштабе повседневности исключительное значение приобретает также производство и экспорт частных благ. Их избыток как раз и создает привлекательность империй для индивидуальных потребителей. Однако удовлетворение этого спроса на частные блага в долгосрочном структурном отношении только подкрепляет систему производства и распределения общественных благ.

до Дальнего Востока происходит своего рода пульсация. Истощение имперской экспансии ведет к феодализации имперского пространства, за которым следует его новая консолидация, а потом снова феодализация. Исторические империи, подобно фениксу, возрождаются, проходя чистилище темных веков.

Даже сжатое и схематическое представление имперской формулы подсказывает, что она не остается неизменной. Фактически она предстает в виде ряда эволюционных типов. В их числе протоимперские амфикинии, ранние империи, конгломераты двух-трех империй, большие имперские комплексы. Этот ряд дает нам последовательное морфологическое усложнение простой концентрической модели. Качественный эволюционный сдвиг связан с образованием теократий и дополнением мирской горизонтальной иерархии сакральной вертикальной иерархией. Далее появляется особая форма хризалиды — теократии с феодализированными горизонтальными иерархиями, но сохраненной общей сакральной вертикальной иерархией. Наконец, в условиях модернизации имперская форма морфологически усваивается международными системами государств, становящимися основными распределителями общественных благ, а также колониальными империями и их эпифеноменами в виде зон гегемонии великих держав. Разумеется, черты имперской морфологии вполне естественно усваивают великие державы, а также государства, играющие в международных системах ключевые роли в распределении общественных благ.

На конкретную конфигурацию политического устройства отдельных империй помимо эволюционных факторов влияют также особенности их месторазвитий и историй. Эти особенности порождают не типы, а разновидности, которые в основном можно охарактеризовать как цивилизационные. Эти разновидности и типы дают специфические формулы имперского устройства.

Имперские формулы ориентированы на жизненные ограничения и возможности реализации требований формы в конкретных исторических и геополитических условиях. В этих условиях благо мыслится уже не абстрактно как безусловно избыточное, а вполне конкретно как подлежащие производству отдельные блага. А возможности производства оказываются ограниченными конкретными условиями. В свою очередь потребность в различных благах внешней варварской среды также не безусловна, а ограничена спросом. Соответственно, сама открытость также становится не безусловной, а варьируется относительно разных секторов среды. Равным образом монизм и концентричность иерархического устройства трансформируются в системы непрямого правления относительно как уже интегрированных в империю/цивилизацию прежних варварских сред, так и подлежащих интегрированию все еще чуждых, т.е. враждебных, сред.

Фактически это ведет для ранних типов образование целого ряда разновидностей, детерминированных качествами географической среды. Это речные, континентальные, приморские и средиземноморские империи. Дальнейшие

разновидности связаны преимущественно с процессами породнения-и-усыновления (*Apparentation-and-Affiliation*) империй, а также с образованием двойных и тройных межцивилизационных систем типа Европа–Евразия.

Какое это может иметь отношение к четырем нашим странам? Самое очевидное. Китай демонстрирует классическую имперскую динамику не только в своей глубокой истории, но в настоящее время. Столкновение уже порядком истощившейся Циньской империи с модернизационной экспансией новых европейских держав привело сначала к опиумным войнам, восстаниям, революции 1911 г. и вступлению страны в период темных веков. Сейчас мы наблюдаем новую фазу имперской экспансии. Она предваряется мощным экспортом частных благ, которые выступают в роли временного и конъюнктурного двигателя. Однако в последние годы мы видим, как Китай все активнее начинает предлагать общественные блага глобальному югу и, что еще важнее, серой зоне перехода от него к глобальному северу.

Очень интересен пример Индии. Империя Моголов, безусловно, вступила в фазу сжатия и деградации к началу европейского проникновения в Южную Азию. Однако в целом индийская цивилизационная зона сохраняла свои конфигурации достаточно долго. Этому помогала характерная именно для индийской имперской цивилизации формула децентрализованного полицентрического контроля типа мандалы*. Она позволяла включать появление зон европейского политического и военного контроля в общеиндийскую чересполосицу. Судьба империи решилась не в результате битвы при Плесси в 1757 г. Здесь решался всего лишь вопрос англо-французского соперничества за Бенгалию. Европейски образованная публика вслед за «европоцентрично» мыслящими историками спонтанно увлечена соперничеством между двумя центрами западного, условно романо-кельтского крыла западноевропейской *Respublica Christiana*, острая фаза которого длилась со Столетней войны до Наполеоновских войн и даже продолжалась за этими пределами. Естественно, что в результате история Индийской империи-мандалы воспринимается под этим углом зрения. Впрочем, и Британской колониальной империи тоже. А фактически судьба как Индийской империи-мандалы, так и Второй Британской решалась и окончательно решилась значительно позже — в течение почти всей второй половины XVIII в. и первой половины XIX в.

Победа Британской Ост-Индской кампании при Плесси (этот привычный галицизм подменил настоящее индийское название: *Палаши*) позволила ей не просто установить контроль над Бенгалией, но и начать новую имперскую интеграцию всего пространства индийской мандалы. Эта переходная эпоха заняла около столетия. В результате воссозданная мандала была интегрирована во Вторую Британскую империю. Произошло наложение друг на друга двух

* Это система взаимодействия ряда балансирующих друга имперских центров, в результате которого большая часть внутренних политий оказывается двойными или тройными лимитами.

имперских пространств, взаимодействие двух формул — мандалы и колониального ореола. Мавр выполнил свое дело. Ост-Индская кампания ликвидирована. Индия стала алмазом в короне Британской империи. Виктория стала императрицей Индии и осталась всего лишь королевой Великобритании.

Конечно, Великобритания даже сама по себе без своего имперского ореола уже является империей со своеобразной островной имперской формулой организации. Однако для последующих поколений Британской империи, полосой протянувшейся через все океаны вокруг света, именно Индия стала основой главного массива территорий, раскинувшихся по берегам Индийского океана от самого юга Африки через Занзибар и Аден до Индии, а оттуда через Сингапур до Австралии. Фактически Британская империя была соединением трех основных империй со своими формулами — Великобритании, Индии и колониального ореола, — а также ряда империй малого масштаба типа южноафриканской, австрало-океанийской и т.п.

Вызовы современности

Обратимся снова к мнению, будто имперские и патримониальные порядки чужды модерну и в современных условиях порождают всякого рода сбои и дисфункции. Такого рода скороспелые оценки вытекают из незнания или крайне упрощенного знания как патримониальных, так и имперских способов политической организации. Впрочем, они идут рука об руку с не менее упрощенными и выпрямленными представлениями о характере современной, модерной политики. При рассмотрении сквозь подобные тусклые и несовершенные линзы сложных явлений политики наших дней перед нашим взором появляются «факты» необъяснимой нерациональности поведения политических лидеров и граждан, а также полной непригодности и нерформируемости политических институтов. Стоит лишь просветлить линзы, перенастроить их фокусировку, как картина меняется. Туманные и неясные «факты» предстают в виде сложной, но поддающейся пониманию *многогранной* действительности. При взгляде на одну грань высвечиваются контуры патримониальных порядков, при взгляде на другую — имперский, при взгляде на третью перед нами появляются формы современной федерации, при взгляде на четвертую — конституционная форма, пригодная для демократического использования, и т.п.

Подобного рода сложная картина позволяет не только добиться лучшего понимания и перестать давать неверные оценки и реагировать на происходящее нелепым и неразумным образом. Появляется возможность приступить к тонкому, выборочному и постепенному реформированию отдельных форм и структур, высвечиваемых патримониальной, имперской, федеральной, конституционной, демократической и прочими проекциями. Постепенная и пошаговая трансляция достижений передовых политических исследований в политическую науку и образование, затем в экспертную среду, далее в структуры

интеллектуального и информационного обеспечения политических процессов, наконец, в «просвещенные суждения» (термин Роберта Даля) политиков и граждан может создать условия для реформирования и оптимизации наших политических порядков.

-
1. *Патцельт В.* Исследуя историю: очерк эволюционной морфологии // Политическая наука. 2012. № 4.
 2. *Weber M.* Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. — Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. 8., photomechanisch gedruckte Auflage; Band 1, Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1986 (1. Auflage 1920, S. 17-206).
 3. *Бебер М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб., 2013.
 4. *Weber M.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. N.Y., 1958.
 5. *Archer M.* Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach. Cambridge, 1995.
 6. *Lijphart A.* Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven, 1999.
 7. *Цымбурский В. Л.* Форма и дхарма // Памяти Тронского, IV. СПб., 2000.
 8. *Топоров В. Н.* Комментарий к буддологическим исследованиям Ф. Н. Щербатского // Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. М., 1988.
 9. *Ильин М. В.* Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.
 10. *Даль Р.* Демократия и ее критики. М., 2003.
 11. *Ильин М. В., Цымбурский В. Л.* Общества «открытые» и «закрытые» (Миф и его рационализация) // Космополис: Альманах. М., 1997.

5.2. Использование прошлого в символической политике постсоветской России*

Одной из главных опор идентичности современных политических сообществ служат «общепринятые» представления о прошлом. Отчасти в силу этого, а отчасти — по причине того, что идея истории вообще выступает в качестве фундаментального принципа воображения социального порядка в эпоху модерна, апелляция к прошлому является неотъемлемым атрибутом политической риторики. Без обращения к «коллективной памяти» трудно обойтись, когда речь идет о легитимации и делегитимации существующего режима, политическом целеполагании, мобилизации поддержки, критике оппонентов и прочих задачах, составляющих предмет ежедневной заботы политиков. Неудивительно, что история все чаще становится ареной политического соперничества.

Вопросы, связанные с использованием и интерпретацией прошлого в политических контекстах, в последние годы стали предметом пристального вни-

* Исследование проводилось при поддержке РГНФ, грант № 11-03-00202а.